

ОГЛАВЛЕНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ	5
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ АВТОРСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ И ПОЯСНЕНИЯ (вместо академического введения)	17
Глава 1. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ОСВЕЩЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ	25
1.1. Историкографический обзор	25
1.2. Источники (краткая характеристика)	57
Глава 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АРСЕНАЛ ФАЛЬСИФИКАТОРОВ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ НАШЕЙ ПОБЕДЫ И ОСНОВНЫЕ МЕТОДЫ И ФОРМЫ БОРЬБЫ С НИМИ.....	64
2.1. Методологический арсенал фальсификаторов	70
2.2. Основные методы и формы борьбы с фальсификаторами истории нашей Великой Победы	101
Глава 3. ДОМОРОЩЕННЫЕ ФАЛЬСИФИКАТОРЫ, ОСВОБОЖДЕННЫЕ ОТ «ХИМЕРЫ, ИМЕНУЕМОЙ СОВЕСТЬЮ», С ЧЬЕГО ГОЛОСА ПОЕТЕ?.....	113
3.1. А. Гитлер – единственный виновник развязывания Второй мировой войны	116
3.2. СССР и нацистская Германия одинаково ответственны за развязывание Второй мировой войны	125
3.3. Нацистская Германия вела превентивную войну против Советского Союза?.....	135
3.4. «Уровень искусства ведения вооруженной борьбы у Красной армии было ниже, чем у союзных армий» – ложная правда – правдивая ложь!	144
3.5. Мифы и откровенная ложь о «поворотных пунктах», «решающих битвах», «великих кампаниях» Второй мировой войны	183

3.6. Спасибо за ленд-лиз, но все же.....	193
3.7. Прочие общие оправдания Германии и ее сателлитов.....	200
3.8. Второй фронт — главный фронт Второй мировой войны — одна из излюбленных концепций западных лжецов от истории.....	203
3.9. В. Резун — изменник Родины и по совместительству лжеисторик.....	209
Глава 4. «ОСВОБОЖДЕННЫМ ОТ ХИМЕРЫ, ИМЕНУЕМОЙ СОВЕСТЬЮ», ОПОШЛЯЮЩИМ ВЕЛИКУЮ НАШУ ПОБЕДУ, — БОЙ!	224
4.1. «Советское государство вскормило вермахт нацистской Германии» — химера и блеф!.....	228
4.2. А расстреляли ли перебежчика?.....	234
4.3. Вранье о прострации И. В. Сталина в начале войны	238
4.4. Спекуляции по поводу партийно-политической работы в начальный период Великой Отечественной войны.....	244
4.5. Наш ответ страстишкам тех, в ком совесть нечиста, вокруг приказа № 227	270
4.6. «Огненная дуга» под огнем фальсификаторов.....	317
4.7. Репатрианты и фальсификаторы.....	335
4.8. ВЕЛИКАЯ НАША ПОБЕДА в зеркале историко-демографической лжи.....	343
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ АВТОРСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ.....	369
КРАТКИЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	374
ПРИЛОЖЕНИЕ.	
Интересно, поучительно (цифры, факты, и т. д.).....	393
КРАТКИЕ СПРАВКИ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЛИЯХ, ФИГУРИРУЮЩИХ В КНИГЕ	417
ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ	436
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И АББРЕВИАТУР	443

Светлой и вечной памяти тех,
кто спас не только нашу Отчизну, но
и весь остальной мир от «коричне-
вой чумы» нацизма и фашизма, бла-
годаря которым мы сегодня живем,
ПОСВЯЩАЕТСЯ

К ЧИТАТЕЛЯМ

*...И пусть
Не думают, что мертвые не слышат,
Когда о них потомки говорят.*

Н. Майоров¹

Автор строк, вынесенных в эпиграф, погиб 8 февраля 1942 года в бою на Смоленщине. Ему было всего двадцать три года. В ряды РККА его зачислили в качестве добровольца после того, как он вместе с другими московскими студентами рыл противотанковые рвы под Ельней в один из самых драматических моментов битвы за Москву — эпохального события в истории Великой Отечественной войны (22.06.1941–09.05.1945)².

Сколько же их таких простых советских воинов? Тех, кто погиб, во имя ныне живущих, спасая сообщество мировых цивилизаций от «коричневой чумы» нацизма и фашизма.

Все тот же Николай Майоров писал:

*Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах читаете как миф.
О людях, что ушли не долюбив,
Не докурив последней папирсы...³*

И хотя написано это в 1940 г., за год до величайшей и исключительной кровавой (а *кровь людская, как известно, не водица*) битвы

¹ *Майоров Н.* Нам не дано спокойно сгнить в могиле [Электронный ресурс] Параллель [сайт] URL: https://45parallel.net/nikolay_mayorov/nam_ne_dano_spoikoyno_sgnit_v_mogile.html (дата обращения: 15.01.2020)

² Далее по тексту эта война указывается без дат. — Г. И., А. Р., Ю. Р.

³ *Майоров Н.* Мы [Электронный ресурс] Параллель [сайт] URL: https://45ll.net/nikolay_mayorov/my.html (дата обращения: 15.01.2020)

с гитлеровской Германией и ее сателлитами, но полностью подходит к тем, кто сложил головы на алтарь Отечества в 1941–1945 гг.

ВЕЧНАЯ ИМ ПАМЯТЬ!

Но Николай Петрович Майоров — рядовой боец Красной армии, бывший студент исторического факультета МГУ, оставил потомкам, благодаря своему поэтическому наитию, еще и строки, вынесенные в эпиграф, которые приняли форму афористичной максимы, во многом отражающей сущность понятия «историческая память».

Той самой исторической памяти, которая, хотим мы этого или не хотим, но отражает образ прошлого сквозь призму наших интересов.

Той самой исторической памяти и основывающегося на ней исторического сознания, содержание которых определяется представлениями разных обществ и социальных групп о реальности, истинности и достоверности.

Той самой исторической памяти, которую деструктивные силы в любом государстве, вне зависимости от цивилизационного вектора его развития, всегда пытаются исказить, извратить и перекроить по своим политико-идеологическим лекалам.

И, наконец, той самой исторической памяти, потеря которой грозит превращением народа в население, а затем и просто в сообщество двуногих бесхвостых обезьян, имеющих наглость именовать себя людьми¹.

Если же вести речь о Великой Отечественной войне, этой воистину трагической и героической одновременно странице в истории нашей Державы, то проблема исторической памяти, будучи и так всегда актуальной, еще в большей степени актуализируется. Ведь именно историческая проблематика Великой Отечественной войны — то научно-исследовательское поле, на котором сегодня пустили свои ядовитые метастазы всевозможные фальсификации.

¹ Более подробно см., напр.: Историческая наука и историческое сознание. Введение. Томск, 2000; Поляков Ю. Историзмы (мысли и суждения историка). М., 2001; Абалкин Л. Историческая память как элемент познания // Вопросы экономики. 2003. № 11. С. 133–140; История и память / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2006; Ипполитов Г. М. Использование военно-исторической информации на занятиях по отечественной истории в вузе в интересах патриотического воспитания молодежи // Клио. Журн. для ученых. 2011. № 5. С. 150–152 и др.

Парадоксально, но факт: холодная война между СССР и США с союзниками завершилась, заняв свое место в научной и учебной литературе, а в процессе создания и внедрения в сознание людей циничных, клеветнических и лживых фальсификаций истории Великой Отечественной войны сегодня налицо наращивание услилий и темпов.

Массировано, с привлечением огромных сил и средств, россиянам внушаются какие-либо идеологические или политические идеи. Пропагандируется определенное отношение к прошлым событиям. Идет не поиск истины, а ее искажение, если хотите, даже извращение.

Одним словом, идеологический продукт здесь обертывается в упаковку, на которой без всякого камуфляжа написано: «Ложная правда — правдивая лож».

И, как это ни печально, но разномастные жулики эфира, мошенники пера, эквилибристы из киберпространства, добились здесь некоторых успехов. Больно, страшно, в конце концов, до глубины души стыдно, констатировать, к примеру, такой факт. Студентка одного из московских вузов, с трудом подбирая слова, произносит на экзамене следующую леденящую сердце фразу: «СССР готовил войну с Германией... Еще был такой Жуков, его называли “мясник”, потому что он заваливал врага трупами»¹.

Думается, что изменник Родины В. Резун — одиозный и наглый фальсификатор истории Великой Отечественной войны, набравшийся наглости и цинизма утверждать, что данная война — «самое святое, что есть у нашего народа...»², и одновременно вылить на нашу святыню ушаты помоев, — от восторга хлопает в ладоши. Еще бы: заказ хозяев этого иуды выполнен; «птенцы гнезда современной российской школы», успешно натасканные на тесты ЕГЭ, демонстрируют столь «глубокие знания», полностью вписывающиеся в концепцию изменника Родины В. Резуна — извращенца, который именуется историком³.

¹ Ретников А. «Мародеры на дорогах истории»: О фальсификациях истории Великой Отечественной войны // Столетие. 2011. 7 окт.

² Суворов В. (Резун В.) Ледокол. М., 1992. [Электронный ресурс]. Военная литература [сайт] URL: <http://militera.lib.ru>. (дата обращения 15.01. 2020). Ниже к лже-историческим работам этого предателя мы еще вернемся. — Г. И., А. Р., Ю. Р.

³ Попутно заметим, что отдельные из «птенцов гнезда современной российской школы», успешно натасканных на тесты ЕГЭ, потом не желают нормально и в вузах учиться («демографическая яма», подушевое финансирование, все равно не отчисляют). — Г. И., А. Р., Ю. Р.

Ну, ладно, «птены гнезда современной российской школы», что с них, несчастных, взять? (несчастных, кстати, в том числе и из-за усилий власть имущих). Но вот заведующий отделом военной истории Института истории НАН Беларуси профессор А. М. Литвин в своей монографии утверждает следующее:

«...Белорусские националисты сотрудничали в годы войны с фашистами с целью возрождения белорусской государственности и армии... Советскому режиму удалось выстоять через привязку белорусских националистов к изменникам и предателям...»¹.

А куда же, спрашивается, делась героическая борьба белорусского народа против немецко-фашистских захватчиков? Где знаменитые белорусские партизаны?

И все это обострилось в связи с сегодняшними трагическими событиями на Украине.

Мерзавцы у власти и около власти, а также обслуживающие их, с позволения сказать, историки, — достойные наследники А. Гитлера и его прихвостня С. Бандеры — воспевают кровавые подвиги нацистско-бандеровской гнилой нечисти из батальона «Нахтигаль»², дивизии «СС Галичина»³ и прочих коллаборационистских вооруженных формирований. То есть тех, кто обогрел руки кровью десятков тысяч ни в чем неповинных мирных советских граждан (кстати, не секрет, что в числе жертв было большое количество украинцев, или «укров», как сегодня «ученые» современной Украины, очумевшие в националистическом угаре, требуют именовать данный славянский народ).

¹Литвін А. Акупацыя Беларусі (1941–1944): пытанні супраціву і калабарацыі. Мн., 2000. С. 166.

²Специальное подразделение (батальон) «Нахтигаль» (нем. *Nachtigall* «совой»), также известное как группа «Север» в составе так называемых Дружин украинских националистов — одно из двух вооруженных подразделений, сформированных преимущественно из членов и сторонников ОУН и обученных Абвером для действий на территории Украинской ССР в составе диверсионного подразделения «Бранденбург 800» при вторжении в СССР. Повинно в уничтожении мирного населения (см.: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. материалов в семи томах. Под ред. Р. А. Руденко. Т. 4. М., 1957 С. 66–67).

³4-я гренадерская дивизия СС «Галичина» (1-я украинская) — войсковое формирование, набранное из украинских националистов в период Великой Отечественной войны. Входила в состав войск СС нацистской Германии. Личный состав дивизии повинен в военных преступлениях (см.: Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками. Т. 7. М., 1961. С. 425).

Эти политические деляги, потерявшие остатки стыда и совести, нагло переписывают заново историю того трагического и героического одновременно времени. Причем переписывают так, что изымают из научного оборота понятия «*Великая Отечественная война*»; «*советский народ*», «*Красная армия*».

Одновременно насаждаются такие лженаучные категории, как «*советская оккупация*», «*коммунистический геноцид украинского народа*», «*агрессия СССР против нацистской Германии*», «*бандеровские борцы за свободу Украины*» и прочая бредятина.

Да, именно бредятина! Но ее нельзя объявить лишь предметом исследования врачей-психиатров (хотя, конечно, не без этого). Бредятина сия далеко не безобидная, а очень и очень опасная.

И что характерно: эту неонацистскую, необандеровскую бредятину (подчеркнем еще раз, не побоявшись упреков в тавтологии, далеко небезобидную, а очень и очень опасную), зачастую подхватывают и в России так представители так называемой либеральной мысли, самопровозгласившие себя «светочами свободы».

Удивительно, как порою сходятся крайности. Никто, находясь в здравом рассудке и памяти, не посмеет заподозрить либералов в малейших симпатиях к революции. Она — явно не их идеал!

Но вот беда: «светочи свободы», в то же время, как это ни парадоксально, руководствуются тезисом одного из бесов революции, столь ярко и пророчески описанных в бессмертном романе великого русского писателя Ф. М. Достоевского: «*Кто проклянет свое прежнее, тот уже наш*»¹.

Конечно, вся эта «либеральная нежить», по меткой характеристике военного историка А. Г. Кузьмина, «мародеры на дорогах истории»², заняла нишу, главным образом, в публицистике, особенно размещаемой в киберпространстве. Здесь она расцвела пышным цветом, запах которого небезопасен, так как отравляет историческое сознание россиян, в первую очередь молодежи.

Между тем, появились и, с позволения сказать, ученые-историки. Они пытаются подвести под публицистические подленькие изыски (к сожалению, порою даже очень продуктивные), суть которых — всемерное опошление великого подвига великого советского народа, спасшего мир от «коричневой чумы нацизма и фашизма.

Причем не волнуется (а собственно говоря, зачем волноваться, когда выполняешь подлый заказ, да еще и за большие деньги?)

¹ Достоевский Ф. М. Бесы. Роман. // Полн. собр. соч. Т. 26. Л., 1984. С. 139.

² Кузьмин А. Г. Мародеры на дорогах истории [Электронный ресурс] RuLit [сайт] URL: <https://www.rulit.me/books/marodery-na-dorogah-istorii-calibre-3-35-0-read-579266-1.html> (дата обращения: 23.0.2020)

подобных, повторим еще раз, не побоявшись упреков в тавтологии, с позволения сказать ученых-историков, что острие таких идеологических и психологических диверсий направлено на уничтожение исторической памяти граждан России, превращение их в толпу манкуртов.

В общем, пожиратели исторической памяти, приглашенные на бал Люцифера, беснуются по полной программе.

И беснование это преследует далеко идущую стратегическую цель — провокационное навязывание нашей стране-победительнице вины за события Второй мировой войны и тем самым создание базы для предъявления претензий России: политических, финансовых, территориальных.

А ревизия истории Второй мировой войны (1.9.1939–2.09.1945)¹ и, особенно, ее главной составной части — истории Великой Отечественной войны — пересмотра их геополитических итогов, становится для любых деструктивных сил мощным средством достижения вышеназванной цели в процессе психологической борьбы за умы и сердца людей.

Той психологической борьбы, которая ведется посредством продуманных и изофренных психологических операций и преследует далеко идущую цель — добиться того, чтобы стереть в нашей исторической памяти имена героев Великой Отечественной войны.

А это уже начало конца в духовном потенциале нашей армии, да и всего народа.

Можно с большой вероятности предположить: доморощенные «светочи либеральной мысли», полагающие, что конституционная свобода слова есть одновременно и свобода от совести и ответственности, не желают добровольно уходить с бала Люцифера. Еще бы: не хочется терять кормушку. Для них сатанинские деньги не пахнут. Так и хочется напомнить им афоризм великого У. Шекспира:

*Грехи других судить вы так усердно рветесь,
Начните со своих, и до чужих не доберетесь...²*

¹ Далее эта война указывается без дат. — Г. И., А. Р., Ю. Р.

² [Электронный ресурс] 25 вечных цитат Уильяма Шекспира [сайт] URL: fit4brain.com/7591 (дата обращения: 24.01.2020).

А кое-кому не станет лишним напомнить, что в Российской Федерации существует уголовная ответственность, в частности, за пропаганду нацизма...¹

При этом необходимо особенно подчеркнуть следующее обстоятельство принципиального порядка: в роли фальсификаторов истории Великой Отечественной войны в настоящее время выступают не только политологи, историки, но и политические деятели, в том числе и руководители европейских стран.

Напомним, к примеру, что многие страны Европы на высшем уровне отказались в 2009 г. отмечать в России, правопреемнице Советского Союза, 70-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной войн. Незадолго до этого в стенах ООН проходило голосование по резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о борьбе с героизацией нацизма. Против этой резолюции проголосовали три страны – Украина, США и Канада. 55 стран, включая Австрию, Болгарию, Венгрию, Германию, Польшу, Словакию, Чехию (которые были освобождены Красной армией), воздержались.

И хотя после этого события прошло более десяти лет, подобные антироссийские, причем еще более циничные акции в формате двойной морали продолжают.

Именно поэтому мы написали эту книгу. Авторы постарались кратко раскрыть проблему фальсификаций истории Великой Отечественной войны. Той войны, в которой великий советский народ сломал хребет нацистско-фашистскому зверю и спас сообщество мировых цивилизаций от «коричневой чумы». Разоблачаются как зарубежные фальсификаторы времен холодной войны СССР и США с союзниками, так и представители современной отечественной так называемой либеральной школы исследования истории Великой Отечественной войны.

Спрашивается, почему и те, и другие? Да потому, что доморощенные «светочи свободы» – верные адепты своих зарубежных предшественников.

Мы ведем на страницах своей книги исключительно жесткую, если хотите, местами очень жесткую, полемику с теми, кто в своих лженаучных изысканиях покушается на ВЕЛИЧИЕ ПОДВИГА ВЕЛИКОГО СОВЕТСКОГО НАРОДА, благодаря которому паучьи лапы нацистской свастики не раскинулись на всем земном шаре.

¹ Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) «О противодействии экстремистской деятельности» <https://elibrary.ru/12127578/> [Электронный ресурс] Гарант [сайт] URL: [cfqbase.garant.ru/12127578/](https://elibrary.ru/12127578/) (дата обращения: 24.01.2020).

Прочь сантименты и академический лоск, когда приходится срывать покрывало клеветы и извращений правды истории с тех, кто мерзко лжет, когда утверждает, к примеру, что советский генерал Д. М. Карбышев, принявший мученическую смерть в нацистском концлагере от рук монстров в человеческом облике, якобы ничего героического не совершил!

Не стоит соблюдать «политкорректность» (или, как там еще это у «светочей свободы» называется?), когда выдвигается требование о реабилитации генерала-предателя А. А. Власова и выполняются в данной связи даже докторские диссертационные исследования!

В таких случаях мы не стеснялись в уничижительных эпитетах и метафорах. Но авторские эмоции не затуманили ни логики, ни исторического содержания контраргументов, против тех, в ком совесть нечиста (если, конечно, она у них еще осталась...).

Наш труд рассчитан на широкую читательскую аудиторию. При этом необходимо особенно подчеркнуть, что преподавателями и студентами высших учебных заведений он может использоваться в качестве учебного пособия.

Так как книга рассчитана на широкую читательскую аудиторию, возникла необходимость подбора стиля ее написания.

Авторы пришли, в конечном итоге, к убеждению, что лучше всего совместить популярно-публицистический, академический, учебный стили. И это не есть совмещение несовместимостей. Мы старались избежать в тексте не только эклектической смеси, но даже и элементов симбиоза. Все стили, означенные выше, в книге органично сочетаются.

Это стало во много возможно потому, что мы, исходя из столь сложного сочетания стилей освещения рассматриваемой проблемы, тщательно подошли к решению задачи подбора языка книги, что является, по крайней мере, необходимым условием повышения ее качества¹.

Исследователи постарались, в первую очередь, написать свой труд живым, и содержательным языком. Разумеется, в пределах своих возможностей.

¹ См.: *Нечкина М. В.* Функция художественного образа в историческом процессе. М., 1982; *Биск И. Я.* Введение в писательское мастерство историка: Литературная форма исторического труда. Иваново, 1996; *Смоленский Н. И.* Понятие и слово в языке историка // Новая и новейшая история. 1992. № 2. С. 3–17; *Ипполитов Г. М.* Еще раз о языке исторических исследований // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17. № 3. С. 163–174 и др.

В нашей памяти твердое место занял афоризм блестящего российского историка, мастера публичного выступления В. О. Ключевского: «Мудрено пишут только о том, чего не понимают»...¹

знаком нам и афоризм великого мыслителя Вольтера, провозгласившего в свое время, что все жанры хороши, кроме скучного...²

Много поучительного в данной связи несут в себе и такие суждения академика Ю. А. Полякова:

«Выражения красочные, яркие, сравнения редки в наших трудах. Казенные слова, стертые фразы, используются чаще. Для многих он служат кольчугой, защищающей от возможной критики. И заполнять ими страницы, куда легче и быстрее»³.

Между тем, учитывая, что кроме публицистического, в книге налицо еще и академический стиль освещения столь острой, животрепещущей проблемы, авторы особое внимание уделили отработке понятийно-категориального и научно-справочного аппаратов работы, а также доведения до читателей ряда обобщений.

Мы также старались следовать максиме замечательного ответственного ученого академика Д. С. Лихачева — чести и совести нашей интеллигенции, ставшего еще при жизни классиком: «Главное достоинство научного языка — ясность»⁴.

Поэтому в понятийно-категориальный аппарат книги включено, например, толкование терминов иностранного происхождения, содержание которых, быть может, и не известно ряду читателей.

Учебный стиль освещения материала подразумевает наличие в работе определенных фрагментов и сюжетов учебно-методического характера, адресованных, в первую очередь, преподавателям и студентам вузов. Они сосредоточены, главным образом, в конце каждой главы книги.

Авторы являются твердо убежденными сторонниками государственного-патриотического подхода, что нашло отражение в их труде.

¹ Ключевский В. О. Афоризмы и мысли об истории // Тайны истории. М., 1994. С. 159.

² [Электронный ресурс] Словари и энциклопедии на Академике. Словарь крылатых слов и выражений [сайт]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/490/%D0%92%D1%81%D0%B5 (дата обращения: 07.02.2020).

³ Поляков Ю. Историзмы (мысли и суждения историка). С. 3.

⁴ Лихачев Д. С. Записки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. Л., 1989. С. 144.

Однако мы не путаем государственно-патриотический подход с апологетическим и, тем более, с апокрифическим («Жития святых» не пишем) подходами. Поэтому критический аспект в книге присутствует, причем в достаточном количестве. Но критика для нас не является тождественной критиканству.

Есть исследовательский постулат, которой гласит: история должна не только стрелять цифрами, фактами, событиями, явлениями, но в обязательном порядке должна быть заселена людьми.

«История — наука о человеке, о прошлом человечества, а не о вещах или явлениях. Да и существуют ли идеи вне зависимости от людей, которые их исповедуют? Существует только одна история — история Человека, и это история в самом широком смысле слова»¹, — писал в свое время выдающийся французский историк Л. Февр. Трудно здесь что-либо возразить...

Правда, в советской исторической науке сложилась ситуация, которую четко охарактеризовал академик Д. С. Лихачев:

«История человека оказалась без человека. Опасаясь преувеличения роли личности в истории, мы сделали наши исторические исследования не только безличными, но и безличностными»².

В постсоветской и современной исторической науке такой перекос успешно устраняется. Жанр исторической биографии стал исключительно популярным³. Авторы этой книги тоже снабдили ее краткими биографическими справками об исторических персоналиях, фигурирующих в работе.

В настоящей работе имеется приложение, в котором размещены интересные факты, цифры. Они вынесены отдельно от основного текста, чтобы не перегружать его архитектонику.

¹ Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 30.

² Лихачев Д. Записки и наблюдения...С. 259.

³ Это обстоятельство не прошло незамеченным для российских исследователей (см., например: История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2005; Исторические персоналии: мотивация и мотивировки поступков Материалы Всероссийской научной конференции. 16-17 декабря 2002 г. Санкт-Петербург/ Под ред. С. Н. Полторака. СПб., 2006; Ипполитов Г. М. Как трудно избежать соблазна биографию писать, или Размышления о некоторых теоретико-методологических основах исследования исторических персоналий // Клио. Журн. для ученых. 2011. № 6. С. 143-149 и др.)

Книга снабжена кратким библиографическим списком, а также списком сокращений и аббревиатур.

Мы высказываем искреннюю признательность рецензентам нашей книги:

➤ *Виталию Николаевичу ВОРОНОВУ* – доктору исторических наук, профессору, действительному члену (академику) Академии военных наук Российской Федерации по отделению военной истории, научному сотруднику Военной академии Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого, ветерану военной службы;

➤ *Владимиру Алексеевичу ГУРОВУ* – доктору исторических наук, доценту, профессору Академии военных наук Российской Федерации по отделению военной истории, профессору Тольяттинского государственного университета, ветерану боевых действий.

Их ценные замечания, пожелания, высказанные в процессе рецензирования рукописи этой работы, учтены и реализованы в окончательном ее варианте.

Благодарны авторы данной книги и военным историкам:

➤ *Валерию Яковлевичу ЕФРЕМОВУ* – доктору исторических наук, профессору, профессору Академии военных наук Российской Федерации по отделению военной истории, ветерану военной службы;

➤ *Сергею Николаевичу ПОЛТОРАКУ* – доктору исторических наук, профессору, академику РАЕН, главному редактору журнала для ученых «Клио» (г. Санкт-Петербург), ветерану военной службы.

Много полезного мы почерпнули для себя после того, как данные ученые составили личные, причем исключительно профессиональные заключения, предварительно ознакомившись с материалами рукописи нашей книги.

Авторы данной работы не претендуем на полноту освещения рассматриваемой проблемы, а уж, тем более, на изречение истин в последней инстанции. Однако высказывается и личностный взгляд. Особенно в суждениях оценочного порядка. В формате книги, в котором нашло сочетание популярно-публицистического, академического и учебного стилей, подобный алгоритм не стоит считать чем-то необычным.

Мы готовы принять критические замечания читателей. Обязательно учтем их в дальнейшей работе.

С глубоким почтением,

Георгий Михайлович Инполитов — доктор исторических наук, профессор, действительный член (академик) Академии военных наук Российской Федерации по отделению военной истории, профессор кафедры отечественной истории и археологии Самарского государственного социально-педагогического университета, профессор кафедры философии Поволжского государственного университета телекоммуникаций и информатики (г. Самара), ветеран военной службы — руководитель авторского коллектива.

Александр Иванович Репинецкий — доктор исторических наук, профессор, почетный работник высшего образования РФ, заслуженный деятель науки Самарской области, проректор по научно-исследовательской работе, профессор кафедры отечественной истории и археологии Самарского государственного социально-педагогического университета.

Юлия Соломоновна Репинецкая — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, права и методики обучения Самарского государственного социально-педагогического университета.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ АВТОРСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ И ПОЯСНЕНИЯ (вместо академического введения)

Историк должен ликовать и горевать со своим народом. Он не должен, руководимый пристрастием, исказить факты, преувеличивать счастье или умалять в своем изложении бедствие; он должен быть, прежде всего, правдив, но может, даже должен, все неприятное, все позорное в истории своего народа передавать с грустью, а о том, что приносит честь, о победах, о цветущем состоянии говорить с радостью и энтузиазмом

Н. М. Карамзин¹

Политизированность – старый и неутомимый бич исторической науки. Но политическая и идеологическая основа у исторических трудов имела и имеется повсюду, а не только у историков, творивших в советскую эпоху. Памятники, которые возводит история, всегда подсвечены лампочками политики. Однако исторические труды ценны тогда, когда автор, независимо от политических симпатий или антипатий, стремится к объективному изложению событий, основываясь на документах и достоверных фактах»

Ю. А. Поляков²

Авторы настоящего труда, прекрасно осознавая крупномасштабность и многоаспектность предмета исследования³ фальсификаций истории Великой Отечественной войны, поставили перед собой скромную цель — осветить основные направления приемы,

¹ Карамзин Н. М. Соч. Т. 2. Л., 1984. С. 49–50.

² Поляков Ю. А. Историческая наука: люди и проблемы. М., 1999. С. 209.

³ Ипполитов Г. М. Объект, предмет, субъект исторического познания: непростая диалектика // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2007. Т. 9. № 2 (апр. – июнь) С. 281–296; Репинецкий А. И. Историческая психология: к вопросу об объекте и предмете исследования // Методология и методы исторической психологии: Материалы XXVI Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 14–15 декабря 2009 г. СПб., 2009. С. 9–14.

формы и методы, практикуемые фальсификаторами (причем всех мастей и оттенков) истории Великой Отечественной войны.

Для достижения этой цели пришлось решить, в том числе, сложную задачу — показать, что между современными фальсификаторами, которые позиционируют себя в качестве так называемой либеральной школы исследования истории Великой Отечественной войны [читай: доморощенные самопровозглашённые «светочи свободы, в коих совесть нечиста (если, конечно, она у них еще осталась)] и их предшественниками периода холодной войны между СССР и США с союзниками, *существует преемственность идей в развитии*. А если отбросить дипломатические экивоки, то следует констатировать: современные фальсификаторы — *верные апологеты своих западных учителей*.

Ясно, что подобный тезис они встретят в штыки. Не мудрено: такие деятели от истории относятся крайне негативно ко всему советскому историографическому опыту, огульно его осуждают, подменяя научную критику политизированным критиканством, по принципу, если это было в СССР, значит уже априори плохо. Вот почему при освещении советского опыта, накопленного в борьбе с фальсификациями и фальсификаторами **ВЕЛИКОЙ НАШЕЙ ПОБЕДЫ**, мы строго придерживались принципа бережного и корректного отношения к историографическим наработкам предшественников, что не отрицает их научной критики.

Особенное внимание авторы уделили выбору методологических основ исследования, то есть нам пришлось вторгнуться в сферу теории и методологии исторической науки. А эта сфера — вечнозеленое древо. И здесь ученые априори обрекают себя на огонь критики. Более того, по ним часто стреляют из стволов тяжелой артиллерии крупного калибра. А ответить на убийственный огонь порою трудно. Ведь теория и методология истории — такая область научных знаний, где до сих пор нет устоявшихся дефиниций, четко обозначенных законов.

Вот почему в спорах в сфере теории и методологии истории наблюдается парадокс, суть которого сводится к следующему. Ученый, стремясь постичь исторические законы и закономерности, доказать личные теоретико-методологические построения, часто попадает под влияние магии формулы одного из парадоксов человеческого познания: «Каждый видит то, что хочет увидеть, каждый слышит то, что он хочет услышать»¹.

¹ Это очень тонко подметил в свое время отечественный ученый Н. И. Кареев: «Каждый историк, имеет свое представление о том, как совершается история, — представление, вытекающее и из априорных предпосылок, без которых не обходится никакая научная работа..., из всего мирозерцания историка,

В то же время, понимая, что выбор методологических основ — неотчуждаемое право исследователя, — авторы включили в нее те подходы, принципы и методы, которые наиболее приемлемы для достижения цели, поставленной ими. Здесь своего рода путеводной звездой стало изречение В. О. Ключевского: «Научная проблема [ти]ка, что порядочная дама: чем скромнее и почтительнее подойдешь к ней, тем скорее она позволит понять себя»¹.

Наш труд базируется на ряде методологических подходов: *диалектико-материалистический; системный; формационный; цивилизационный; компаративистский*.

Диалектико-материалистический подход. Он позволил составить четкие представления о противоречиях, имеющих место в накоплении массива фальсификаций истории Второй мировой и Великой Отечественной войн на различных этапах их фабрикации. Посредством его прослежено развитие и разрешение противоречий, переход в качественно новое состояние событий и явлений, имеющих место в рассматриваемом процессе².

Системный подход. Отказавшись от односторонне аналитических, линейно-причинных методов исследования, мы выстроили иерархию аспектов в освещении проблемы борьбы с фальсификациями и фальсификаторами Великого подвига Великого советского народа, спасшего мир от «коричневой чумы» нацизма и фашизма, установили внутренние связи между ними, определили наиболее значимые из них³.

и из тех обобщений, которые складываются у него на основании собственного изучения им тех или других комплексов исторических фактов» (Кареев Н. И. История: Теория исторического знания. СПб., 1913. С. 12).

¹ Ключевский В. О. Записная книжка // Ключевский В. О. Соч.: в 9 т. Т. IX. Материалы разных лет. М., 1990. Электронная версия. [Электронный ресурс] Lib/ru. Классика [сайт]. URL: http://www.az.lib.ru/k/kljuchewskij_w_o/text_1892_zapismaya_knizhka.shtml (дата обращения: 07.02.2020).

² Более подробно см., например: Поттер К. Что такое диалектика? // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 118–138; Ойзерман Т. И. Опыт критического осмысления диалектического материализма // Вопросы философии. 2000. № 2. С. 3–31; Грылев А. О некоторых вопросах методологии военно-исторического исследования // ВИЖ. 1963. № 5. С. 3–15; Ковальченко И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 3–34 и др.

³ Каган М. С. Системный подход и гуманитарное знание // Каган М. С. Избранные статьи. СПб., 1991; Ипполитов Г. М. Системный подход к познанию истории: дискуссионные размышления о некоторых аспектах многоаспектной проблемы в лапидарном изложении // Самарский научный вестник. Научный журнал. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 192–200; Ковальченко И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований... и др.

Формационный подход, практикуемый нами, используется, в первую очередь, при определении степени отражения в историографических и исторических источниках роли Советского государства в разработке концептуальных основ проблемы борьбы с фальсификациями и фальсификаторами истории Второй мировой и Великой Отечественной войны.

Цивилизационный подход выразился, прежде всего, в том, что при работе с историографическими и историческими источниками по рассматриваемой проблеме обеспечивался их анализ с позиции изучения прошлого в человеческих измерениях.

При этом особо подчеркнем, что авторы данного труда являются сторонниками применения формационного и цивилизационного подходов комплексно, никоим образом, не противопоставляя их¹.

Компаративистский подход. Мы исходили из того, что он является одним из самых широко применяемых в процессе познания исторической истины. Собственно говоря, без него не обходится ни одно историческое исследование. Он помог нам путем корректных (*N. B!*) сравнений² выявить не только сходное, но и неповторимое в процессе фабрикации мифов и злобных инсинуаций против Великого подвига Великого советского народа, спасшего мир от «коричневой чумы» нацизма и фашизма.

В книге нашло соединение проблемного и хронологического подходов. Но при этом проблемный подход является ведущим, потому что он выглядит наиболее оптимальным. Благодаря ему, можно относительно полно охватить во времени и пространстве многоаспектность фальсификаций истории Второй мировой и Великой Отечественной войн, конкретно-историческую обстановку, в которой они

¹ См., например: *Ипполитов Г. М.* Формационный подход к познанию истории: исчерпан ли его исследовательский потенциал? // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук.* 2009. Т. 11. № 6 (32) С. 231–240; *Ипполитов Г. М., Филатов Т. В.* Формационно-цивилизационный подход к познанию истории: симбиоз или приемлемый исследовательский алгоритм? Дискуссионные рассуждения (статья первая) // *Клио. Журнал для ученых.* Печатный орган Международной академии исторических и социальных наук. 2019. № 4(148). Апрель. С. 3–28; *Ипполитов Г. М., Филатов Т. В.* Формационно-цивилизационный подход к познанию истории: симбиоз или приемлемый исследовательский алгоритм? Дискуссионные рассуждения (статья вторая) // *Клио.* 2019. № 6(150). Июнь. С. 13–24 и др.

² Заметим, что некорректное применение компаративистского подхода, использование внешних аналогий, может привести к неоправданным выводам (более подробно см., например: *Шидер Т.* Возможности и границы сравнительных методов в исторических науках // *Философия и методология истории* : сб. статей / общ. ред. И. С. Кон. М., 1977. С. 143–167).

фабриковались. Между тем, авторы понимали, что невозможно качественно раскрыть рассматриваемую проблему, не определившись в хронологии явлений и событий, в которой она развивалась¹.

В методологическую основу нашего труда вошли, кроме методологических подходов, и ряд методологических принципов²: *объективность в изучении явлений, процессов, связей и отношений; историзм; здравый смысл; корректность и деликатность в оценке фактов.*

Принцип объективности в изучении явлений, процессов, связей и отношений. Он является первым, отправным элементом диалектики. С данной точки зрения можно утверждать, что объективность является для всякого здравомыслящего человека аксиомой и первейшей установкой познания. Опора на принцип объективности в изучении явлений, процессов, связей и отношений позволила рассмотреть историографические и исторические источники по проблеме фальсификаций истории **ВЕЛИКОЙ НАШЕЙ ПОБЕДЫ** по следующему алгоритму: во всем многообразии, без каких-либо заранее заданных оценочных суждений и конъюнктурных соображений; с исключением авторских претензий на исчерпывающую полноту анализа и на оценку полученных результатов как абсолютную истину; со стремлением к беспристрастности в изложении исторических фактов, опираясь на первозданность информации из источников, не сенсационных, а вызывающих научное доверие; с обеспечением уважительного отношения к предшественникам, что отнюдь не сводится исключительно к комплементарным оценкам их работ³.

Принцип историзма. Базируясь на нем, мы анализировали каждый исследуемый факт по своей проблеме в его развитии, взаимосвязи, взаимообусловленности, единстве прошлого настоящего и будущего. Все источники и литература, имеющие отношение к фальсификациям истории **ВЕЛИКОЙ НАШЕЙ ПОБЕДЫ**, проанализированы как

¹ Более подробно см., например: Шмидт С. О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования — 2-е изд. М., 2003.

² В свое время Ф. Энгельс сделал удивительно тонкое замечание: «Принципы не исходный пункт исследования, а его заключительный результат... Не природа и человечество соотносятся с принципами, а, наоборот, принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории» (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 20. С. 34).

³ Более подробно см., например: Ипполитов Г. М. Объективность исторических исследований. Достижима ли она? Дискуссионные заметки // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2006. Т. 8. № 3 (июль — сент.). С. 676–688 др.

с точки зрения накопления и систематизации, так и с точки зрения их оценки и интеграции. Принцип историзма позволил изучать развитие исторических знаний по рассматриваемой проблеме, как в хронологическом плане, так и в диалектическом единстве¹.

Принципа здравого смысла. При его использовании² мы исходили из такой посылки: реальная история противоречивее и индивидуальнее в своем многообразии и единстве в отличие от общепринятых теоретических и методологических схем, принципов и подходов. Поэтому не следует их догматизировать.

Принцип корректности и деликатности в оценке фактов. В нем для авторов нашла отражение установка морально-этического плана — не использовать, к примеру, добытых сенсационных сведений без тщательной их проверки, смакования интимных подробностей из жизни исторических персоналий, которые стали достоянием ученого и т. д.

В методологическую основу этой книги, кроме методологических подходов и методологических принципов, вошли *общенаучные и специально-исторические методы исследования*. Они представляют собой довольно обширный инструментарий, имеющийся в распоряжении любого ученого-историка и хорошо известный специалистам³. Мы применяли методы исторического исследования

¹ Более подробно см., например: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 49. С. 329; *Ковальченко И. Д.* Марксистский историзм и его воплощение в современной советской исторической науке. Доклад и выступление на III коллоквиуме западногерманских и советских историков // *И. Д. Ковальченко.* Научные труды, письма, воспоминания (из личного архива академика): Сб. материалов / Составление, подготовка текста и примеч. Т. В. Ковальченко, Т. А. Кругловой, А. Е. Шикло. М., 2004. С. 82; *Ипполитов Г. М.* Принцип марксистского историзма в зеркале советской историографии: опыт краткого историографического обзора // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук.* 2013. Т. 15. № 5. С. 197–207 и др.

² Здравый смысл, с философской точки зрения — укоренившаяся совокупность взглядов общества на окружающую действительность и самое себя, используемых в повседневной практической деятельности и лежащих в основе моральных принципов. Здравый смысл не поднимается, как правило, до научных и философских осмыслений, оставаясь ограниченным поверхностным взглядом на суть явлений, не проникая глубоко в их смысл (*Философский энциклопедический словарь.* М., 2006. С. 164).

³ Более подробно см., например: *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. 2-е изд. М., 2003; *Сахаров А. Н.* Исторические обретения на рубеже XXI в.: очерки. М., 2011; *Смоленский Н. И.* Проблемы логики общеисторического развития // *Новая и новейшая история.* 2000. № 1. С. 3–18; *Ипполитов Г. М.* Из опыта преподавания методологии истории в Самарском государственном педагогическом университете // *Новая и новейшая история.* 2007. № 5. С. 80–88 и др.

комплексно. Между тем, тем основной акцент был сделан на таких специально-исторических методах исследования, как *историко-генетический; историко-сравнительный; актуализации*.

Историко-генетический метод. Он является наиболее распространенный метод в исторических исследованиях. Его применение позволило нам кратко описать процесс фабрикации и внедрения в сознание людей мифов и подленьких инсинуаций, направленных на всемерную дискредитацию **ВЕЛИКОЙ НАШЕЙ ПОБЕДЫ**, раскрыв при этом причинно-следственные связи и закономерности исторического развития процесса, указанного выше, в их непосредственности. Данный метод позволил также охарактеризовать события и личности в их индивидуальности и образности.

Историко-системный метод. Его использование открыло возможность найти (в процессе сравнения) объяснения рассматриваемых фактов, раскрытия сущности изучаемых явлений, происходящих на фабрике фальсификаций истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. При этом мы учли, что сравнение должно основываться на конкретных фактах, которые отражают существенные признаки явлений, а не их формальное сходство¹.

Метод актуализации. Он помог нам в определении ценности тех или иных исторических знаний, накопленных в сфере борьбы с фальсификациями и фальсификаторами истории достижения **ВЕЛИКОЙ НАШЕЙ ПОБЕДЫ**².

Разумеется, авторы книги всецело опирались опыт предшественников. Тех, кто выполнил популярно-публицистические работы³, научные труды⁴, учебные пособия⁵.

¹ Более подробно см., например: Там же.

² Более подробно см., например: Там же.

³ См., например: *Эренбург И.* Бешеные волки. М., 1941; *Его же.* Людоеды. М., 1941 и др.

⁴ См., например: *Мерцалов А. Н.* Западногерманские историки и мемуаристы о второй мировой войне. М., 1967; *Ржешевский О. А.* Война история. Буржуазная историография США о второй мировой войне. Изд. 2-е, доп. и перераб. М., 1984; *Гареев М. А.* Неоднозначные страницы войны (очерки о проблемных вопросах истории Великой Отечественной войны). М., 1995; *Рубцов Ю. В.* Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране. М., 2008 и др.

⁵ См., например: *Галактионов Ю. В., Корнева Л. Н., Черкасов Н. С.* Марксистская историография германского фашизма: Учебное пособие. Кемерово, 1988; *Военная история как объект идеологической борьбы: учебное пособие / А. В. Виноградов, Г. П. Дождиков, Н. И. Дорохов, Р. А. Савушкин. М., 1991; Фролов М. И.* Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в немецкой историографии. Учебное пособие. СПб., 1994 и др.

Очень ценный материал, к примеру, мы почерпнули из учебного пособия, выпущенного в свет в 2012 г. Военным университетом Министерства обороны Российской Федерации¹. Его авторский коллектив (более 20 военных ученых) рассмотрел методологические вопросы противоборства фальсификациям истории Второй мировой и Великой Отечественной войн, методы, формы и средства борьбы с ними. Особое внимание уделено критике концепций фальсификации проблем предыстории войн, определения их виновников и причин, истории советского военного искусства в Великой Отечественной и Советско-японской войнах, концепций западных историков о роли вооруженных сил государств — участников антифашистской коалиции в разгроме Германии и ее союзников и др.

В работе важное место отведено критическому анализу искажений в современной истории роли и места полководцев и военачальников Великой Отечественной войны, другим теориям и версиям по отдельным кардинальным проблемам военной истории. В учебном пособии установлены причины того, почему Запад хотел бы снять со своих государств их долю ответственности за собственное прошлое, за прямую или косвенную помощь Германии в ходе ее борьбы с Советским Союзом в годы войны, а также причины того, почему у нашей страны пытаются украсть **ВЕЛИКУЮ ПОБЕДУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ И РЕШАЮЩУЮ РОЛЬ В РАЗГРОМЕ ФАШИСТСКО-МИЛИТАРИСТСКОГО БЛОКА ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ**.

Думается, что такое учебное пособие станет небезынтесным всем, кто интересуется вопросами противоборства с фальсификациями в области военной истории.

Преобладающий стиль подачи фактографического материала в нашей книге — контраргументы к аргументам представителей так называемой современной либеральной школы (с В. О. Ключевским, блестящим представителем либерального направления российской историографии конца XIX — начала XX вв., просим НЕ ПУТАТЬ!), исследования истории Великой Отечественной войны. Особенно, когда они льют ушаты помоев на массовый героизм советского народа, имевший тогда место.

Таким образом, методологические основы, отобранные авторами книги, позволили им логично и убедительно разоблачить тех, кто покушается на **ВЕЛИКУЮ НАШУ ПОБЕДУ**.

¹ История Второй мировой и Великой Отечественной войн как объект фальсификации: учебное пособие / В. Б. Горячев и др. ; под общ. ред. А. С. Киселева. М.: ВУ, 2012.

Глава 1

ИСТОРИОГРАФИЯ

И ИСТОЧНИКИ ОСВЕЩЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Подлинная научная историография занимается не пассивным собирательством и склеиванием источников, а постановкой проблем, которые наполняют картину новым смыслом, содержанием.

Р. Дж. Коллингвуд¹

1.1. Историографический обзор

Работа историографа во многом напоминает работу землекопа. Отжитая, жизнь лежит перед историком как сложный ряд слоев, скрывающихся один за другим. Историография начинает свое изучение с верхнего и постепенно углубляется внутрь.

В. О. Ключевский²

И хотя в книгах подобного рода краткие историографические обзоры размещаются, как правило, во введениях, мы все-таки решили выделить его в отдельную главу, и дать в несколько расширенном виде.

Историка, как наука об историографии ее методах и задачах, убедительно доказала истину, ставшую своего рода исследовательской аксиомой: только ясный историографический анализ рассматриваемой проблемы, дает ученым нить Ариадны. Именно при

¹ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография / Перевод и комментарии Ю. А. Асеева; Ст. М. А. Кисселя; Отв. ред.: И. С. Кон, М. А. Киссель. М., 1980 [Электронный ресурс] Бесплатная библиотека России. Конференции, книги, пособия, научные издания, учебные пособия [сайт]. URL: ibed.ru/knigi-nauka/705857-1-p-kollingvud-akademiya-nauk-sssr-g-collingwood-the-idea-history-autobiography-dzh-kollingvud-ideya-istorii-a.php (дата обращения: 09.02.2020).

² Ключевский В. О. Записная книжка // Ключевский В. О. Соч.: в 9 т. Т. IX. Материалы разных лет. М., 1990. Электронная версия. [Электронный ресурс] Lib.ru. Классика [сайт] – URL: http://www.az.lib.ru/k/kljuchewskij_w_o/text_1892_zapismaya_knizhka.shtml (дата обращения: 18.01. 2020).

ее помощи они могут выйти из лабиринта фактов, суждений, оценок на дорогу обобщений, приближающих их к подлинной исторической правде. А такой лабиринт бывает настолько запутан, что лабиринт мифического царя Миноса — просто прогулка по Невскому проспекту.

Разумеется, авторы не выдвигают претензий на глубокий историографический анализ своей проблемы. Собственно говоря, в рамках историографического обзора, подобное сделать не представляется возможным. Тем более что мы работали, главным образом, только с отечественными историографическими источниками. Но наш историографический обзор станет для читателей своего рода кроками маршрута при освоении основного материала.

Авторский замысел историографического обзора проблемы борьбы с теми, кто покушается на **ВЕЛИКУЮ НАШУ ПОБЕДУ**, подразумевал кропотливую работу с большим массивом историографических источников¹. Мы старались подойти с максимально возможной объективностью, корректностью ко всему, что уже сделано учеными. Здесь заключается большой смысл: бережное отношение к историческому наследию — надежный залог того, что святая связь времен не будет нарушена, а преемственность идей в развитии сохранится.

В нашем историографическом обзоре выделены следующие историографические периоды: советский (вторая половина 1940-х — 1991 гг.); постсоветский (1992–2000) и современный (начиная с 2001 г. — до настоящего времени).

Советская историография

Проблематика борьбы с фальсификациями и фальсификаторами рассматривалась в качестве одной из самостоятельных в комплексном исследовании истории Великой Отечественной войны, историография которой отличается в количественном отношении исключительным богатством. К 1985 г. советская историческая литература о Великой Отечественной войне насчитывала около 20 тысяч (!) монографий, брошюр, статей². При этом необходимо

¹ Под *историографическим источником* понимается традиционный *исторический источник*, вовлеченный в процесс историографического анализа.

² См.: Великая Отечественная война 1941–1945: энцикл. М., 1985. С. 307. Причем здесь ярко прослеживается процесс наращивания усилий и темпов. Так, если за первое послевоенное десятилетие (1945–1955 гг.) по истории Великой Отечественной войны издали 1200 книг, брошюр и журнальных статей, в том числе 14 обобщающих трудов, то за последующие пять лет (1956–1961) увидели свет уже

подчеркнуть, что на исследования проблемы, которой посвящена данная книга, оказали непосредственное влияние условия, в которых развивалась советская историческая наука. Они сегодня хорошо изучены, что нашло отражение в специальной литературе¹. Поэтому ограничимся лишь обобщающими суждениями об условиях, которые во многом детерминировали развитие советской исторической науки в целом, а также и по рассматриваемой проблеме, в частности.

I. Определение вектора развития историографии в соответствии с социально-политической и духовной атмосферой, которая утвердилась в стране в результате культа личности И. В. Сталина

более 2000 книг, брошюр и журнальных статей, в том числе 73 обобщающих исследования (История Великой Отечественной войны. Т. 6. М., 1965. С. 403).

¹ См., например: *Поляков Ю. А.* Наше непредсказуемое прошлое: полемические заметки. М., 1996; *Сидорова Л. А.* Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков. М., 2008 и др. Отметим лишь, что здесь боролись два противоположных направления: 1. Жесткая критическая (во многом, как стало понятно с определенной временной дистанции, тенденциозная, в значительной степени, необъективная) оценка итогов развития советской историографии. Например, Ю. Афанасьев беспартийно заявил буквально следующее: советская историография «особый научно-политический феномен, гармонично вписанный в систему тоталитарного государства и приспособленный к обслуживанию его идейно-политических потребностей» (*Афанасьев Ю.* Феномен советской историографии // Отечественная история. 1996. № 5. С. 151). Примерно такую же оценку высказала Н. В. Иллерицкая, поддержав мнение Ю. Н. Афанасьева. Она пришла к выводу, что «партийное руководство наукой сыграло свою пагубную роль — советская историческая наука перестала быть наукой, так и не предприняв серьезных попыток стать ею» (*Иллерицкая Н. В.* Становление советской историографической традиции: наука, не обретшая лица // Советская историография. М., 1996. С. 187). 2. Осмысление феномена советской историографии с позиции новых подходов, утвердившихся сегодня в отечественной исторической науке. А они подразумевают исключение жестких излишне категоричных аксиологических суждений, подобных приведенным выше. Наступает время верификационных, академически взвешенных оценок. Не случайно, в последние годы в научном сообществе все более утверждается точка зрения, согласно которой использование формулы «феномен советской историографии» сочетается с признанием ее достижений» (*Бычков С. П., Свейников А. В.* Проблема феномена советской историографии // Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск, 2005. С. 124). Именно эта точка зрения и находит отражение в ряде добротных современных историографических исследований (См., например: *Ефремов В. Я.* Моральный дух Красной армии и проблемы его укрепления в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — май 1945 гг.): советская и постсоветская историография XX века: монография. СПб., 2006; *Гуров В. А.* Историография и исторические причины локальных войн и вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве: первый исторический опыт (1988–2005 гг.). Монография. Тольятти, 2010 и др.)

в конце 1930-х годов¹. Причем она резко обострилась после окончания Великой Отечественной войны. В то время, которое иногда ученые называют «поздним сталинизмом»², идеологический фон становился весьма неблагоприятным, ибо национальные мотивы, появившиеся в период войны, начали выливаться в шовинистические формы³. Так, борьба с космополитизмом создавала неблагоприятные условия для развития гуманитарных наук, в том числе истории. В ситуации, когда культ личности И. В. Сталина достиг своего апогея⁴, советская историческая наука попала в жесткую идеократическую систему координат, в коей сталинская методологическая парадигма приняла гипертрофированную форму.

Тем не менее, послевоенное десятилетие характеризовалось расширением научной работы по изучению истории Великой Отечественной войны, сосредоточением документов и материалов в центральных и местных архивах, изданием ряда документов и материалов⁵, разнообразием тематики исследований, созданием

¹ Теоретическая и методологическая база исторических исследований заострилась в рамках догматизированного марксизма, преломленного сталинскими идеологами в политических интересах тоталитарного режима (читай: марксизм-ленинизм). Марксизм-ленинизм, в большевистском его измерении, стал, по емкому определению Б. Рассела, данного ученым еще в 1920 г., не просто политической доктриной, но еще и религией со «своими догмами и священным писанием» (*Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 7*). На долгое время в теории исторического познания занял ведущее место догматизм. А его главную характерную черту ранее четко определил великий Г. Гегель — односторонне рассудочное мышление, когда «исключаются противоположные определения» (*Гегель. Соч. М.; Л., 1929. Т. 1. С. 70.*). Причем, догматизм выступал в тесной связи с конъюнктурщиной, которая в отличие от него, может быть не заостренной, а постоянно видоизменяется, реагируя на политический ангажемент. В конечном итоге, И. В. Сталин, сделав марксизм-ленинизм государственным мировоззрением, оградив его от критики, создал все условия, чтобы тот, вместо утверждения себя в качестве одного из путей исторического познания, окончательно заострился.

² См., например: *Ефремов В. Я. Деятельность властных структур по укреплению морального духа вооруженных сил Советского государства (1918-1991 гг.): историографическое исследование. Самара, 2007* и др.

³ См., например: *Ипполитов Г. М., Ефремов В. Я. Условия выполнения советских исторических исследований по проблемам Гражданской войны в России во второй половине 1930-х — первой половине 1950-х гг. // Самарской научный вестник. Науч. журн. 2013. № 4(5). С. 81-85* и др.

⁴ Не случайно, к примеру, в 1952 г. в пятый раз переиздали книгу И. В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза» (см.: *Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М., 1952*).

⁵ См., например: *Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1946; Важнейшие законы и постановления Советского государства за время Великой Отечественной*

первых трудов с обобщением опыта минувшей войны по определенным проблемам¹. Как следствие, опубликовали около 1200 книг, брошюр, журнальных статей².

II. Корректировка вектора развития советской историографии в соответствии с социально-политической и духовной атмосферой, которая утвердилась в стране в период хрущевской оттепели (вторая половина 1950-х — первая половина 1960-х гг.)³. В это время историческая наука начала развиваться под влиянием политического курса КПСС на преодоление последствий культа личности

войны: в 19 вып. М., 1946; Героическая оборона Севастополя 1941–1942: сб. док. и материалов. Симферополь, 1946; Героический Сталинграда: сб. док. и материалов: в 2 кн. Астрахань, 1948; Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны: в 19 вып. М., 1949; Битва за Тулу: сб. док. и материалов. Тула, 1950 и др.

¹ Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948.

² См.: История Великой Отечественной войны. Т. 6. С. 403. Достижению таких результатов способствовало то, что, начиная с 1946 г., активно работали Управление по изучению опыта войны, а с 1949 г. — Военно-историческое управление, а с 1953 — Военный отдел Военно-научного управления Генерального штаба Советской Армии, Главного штаба ВМФ и Главного штаба ВВС, военно-исторические отделы и группы ряда управлений Министерства обороны СССР, Институт истории АН СССР. Интенсивно исследовалась история Великой Отечественной войны в вузах страны (Более подробно см.: Жилин П. А. Советская военно-историческая литература // Развитие советской исторической науки 1970–1974. М., 1975. С. 108–121 и др.)

³ Хрущевская оттепель — уникальный период отечественной истории. Ее породил XX съезд КПСС (1956 г.). Секретный доклад Н. С. Хрущева оголяет страшную правду о временах культа личности И. В. Сталина, а вернее, как сегодня стало ясным, лишь только ее небольшую часть. Этот доклад сыграл (в какой-то мере) роль горького лекарства, которое больной, морщась, выпивает, чтобы выздороветь. И хотя (теперь это уже не вызывает сомнения), хрущевская правда о мрачных временах культа личности И. В. Сталина была рафинированной, в советском социуме она буквально вызывала шок. Следом началась мучительная переоценка ценностей, ломавшая души, например, поколения «шестидесятников» (многие из них впоследствии стали на путь диссидентства). Хрущевская оттепель — время мечтаний и несбывшихся надежд. Его главное содержание обуславливалось, если говорить обобщенно, конструктивными процессами в экономической, социально-политической и духовной жизни страны. Но, хотя облик страны благодаря циклу реформ преобразился, крупного прорыва в новое качество не произошло. Налицо сплошной узел противоречий, который так и не удалось разрешить: слишком цепко мертвый И. В. Сталин держал Н. С. Хрущева и его единомышленников за ноги (более подробно см., например: Зубкова Е. Маленков, Хрущев и «оттепель» // Коммунист. 1990. № 14. С. 86–95; Колосов П. «Оттепель» дала распутицу. XX съезд КПСС: взгляд через сорок лет // Диалог. 1996. № 4. С. 66–68; Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004 и мн. др.)

И. В. Сталина. В условиях зачаточной реанимации творческой свободы как одного из знаковых признаков хрущевской оттепели предпринималась попытка возродить подлинно научные принципы исторических исследований¹. Заметим, применительно к рассматриваемой теме, что оттепель создала буквально прорыв в публикации документальных источников по истории Великой Отечественной войны², а также ряда научно-справочных изданий³.

III. Очередная корректировка вектора развития историографии в соответствии с социально-политической и духовной атмосферой, которая создалась в стране в период, когда авторитарно-бюрократический режим, утвердившийся в СССР, впадал в глубинный кризис и приближался к своему историческому финалу (вторая половина 1960-х — первая половина 1980-х)⁴. Одной из характерных черт здесь являлась частичная реанимация сталинских подходов в советской исторической науке. На научные исследования стали непосредственным образом влиять конъюнктурные установки, облаченные в жесткие директивы ЦК КПСС. Ученым задавались не только методологические ориентиры, но и директивные указания, что писать и как писать. Такие директивы не могли обсуждаться, а принимались к неукоснительному исполнению⁵.

Однако историческая наука в условиях, когда официальные идеологи КПСС присвоили себе монопольное право единственных охранителей и истолкователей того набора примитивных догм,

¹ Более подробно см., например: *Ипполитов Г. М., Ефремов В. Я.* Условия выполнения советских исторических исследований по проблематике истории Гражданской войны в России (1918–1922 гг.) во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х гг. // Самарский научный вестник. Науч. журн. 2016. № 2 (15). С. 120–126 и др.

² Герои и подвиги. Советские листовки Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1958; Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1945 гг.). М., 1963; Огненные годы: молодежь в годы Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: сб. док. М., 1965; «Совершенно секретно! Только для командования!»: Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967 и др.

³ См., например: Руководство КПСС — основа основ советского военного строительства: рекомендуемый указатель. М., 1963.

⁴ Более подробно см., например: На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе / Под ред. В. В. Журавлева. М., 1990; *Медведев Р. А.* Личность и эпоха: политический портрет Л. И. Брежнева. М., 1991; *Пихоя Р. Г.* Советский Союз: история власти. 1945–1991. Изд. второе, испр. и доп. Новосибирск, 2000 и др.

⁵ См., например: *Ипполитов Г. М., Полторац С. Н.* Советская историография Гражданской войны в России во второй половине 1960-х — первой половине 1980-х гг. Статья первая. Условия развития советской исторической науки в исследуемый период // Клио. 2017. № 4(124). Февр. С. 46–58 и др.

который назывался марксизмом-ленинизмом в большевистском его измерении (что на деле вылилось в жесткий организационный и идеологический диктат), на месте не стояла. Причем тема Великой Отечественной войны по-прежнему находилась в поле зрения советских ученых-историков. Так, из 3 тысяч статей, опубликованных в СССР в 1973 г. по вопросам военной истории, свыше тысячи составляли книги по истории Второй мировой войны, причем три четверти — об истории Великой Отечественной войны, в том числе свыше 600 мемуаров¹. Продолжалась и публикация документов², а также некоторых научно-справочных изданий³.

IV. Обусловленность развития советской исторической науки реалиями политики перестройки, носившей паллиативный характер и завершившейся распадом СССР (вторая половина 1980-х — 1991 г.). Что стало тогда характерным? Перестроечная публицистика, которая взяла на себя право быть обвинителем пороков, порожденных сталинизмом, побудила историков к серьезному переосмыслению истории Великой Отечественной войны⁴. Проведению

¹ См.: *Жилин П. А.* Советская военно-историческая литература // Развитие советской исторической науки 1970-1974. С. 108.

² Москва — фронту. 1941-1945: сб. док. и материалов. М., 1966; «Мы обвиняем»: документы и материалы о злодеяниях гитлеровских оккупантов и латышских буржуазных националистов в Латвийской советской социалистической республике. 1941-1945. Рига, 1967; Тридцатилетие победы советского народа в Великой Отечественной войне: Документы и материалы. М., 1975; КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза: документы. 1917-1981. М., 1981; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941-1945: В 2-х т. М., 1983; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны: Документы и материалы: В 2 т. М., 1984; Преступные цели — преступные средства: документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941-1944). М., 1985 и др.

³ Военные вопросы в документах КПСС и Советского государства: аннот. библиографический указ. М., 1980.

⁴ Здесь необходимо подчеркнуть один принципиальный момент. Не отрицая значимости публицистики времен перестройки, мы полагаем, что уместным будет отметить следующее: историческая критика, выплеснутая на страницы публицистических изданий, являлась крайне односторонней. Это не была взвешенная, объективная история страны. Публицисты дали быстрый, крайне политизированный ответ на те фальсификации, умолчания, искажения, которые так щедро расточали по части истории политической режим И. В. Сталина и приходившие к власти после него лидеры КПСС. Получилась *типичная политизация истории в интерпретации публицистов и писателей*. Именно поэтому в среде историков-профессионалов такая история встретила непонимание и удивление. Но других методов воссоздать даже полуправду в то время не было. Однако такой поворот событий подталкивал историков к активизации своих профессиональных действий в области как теоретического, так и конкретно-исторического осмысления и переосмысления событий. — Г. И., А. Р., Ю. Р.

же научных исследований способствовала публикация на страницах журналов «Известия ЦК КПСС», «Военно-исторический журнал», «Вопросы истории КПСС», «История СССР», документов, извлеченных из архивных фондов, а также перевод отдельных научных трудов о Великой Отечественной войне из спецхранов библиотек в фонды общего пользования. Вышли в свет и некоторые документальные сборники¹. Несколько упростили доступ исследователей в архивы. Правда, очень большое количество архивных фондов, где отложились документы периода 1941–1945 гг., особенно в ЦАМО, оставались закрытыми.

При этом необходимо подчеркнуть, что КПСС (в качестве пока что еще правящей) по-прежнему предпринимала попытки усиления руководства исторической наукой².

Таким образом, советская историография проблемы борьбы с теми, кто покушался на **ВЕЛИКУЮ НАШУ ПОБЕДУ**, развивалась в сложных и противоречивых условиях. Между тем, она постоянно находилась в поле зрения ученых.

Своеобразной точкой отсчета здесь можно считать выпуск в свет в 1948 г. отдельным изданием исторической справки «Фальсификаторы истории». Ее тираж составил 500 тыс. (!) экземпляров. Это в условиях той страшной послевоенной разрухи, когда каждая копейка народных денег была на строжайшем учете³. Данное издание стало ответным ходом советской пропаганды на крайне недружественную акцию вчерашних союзников по антигитлеровской коалиции. В чем ее суть четко объяснено в предисловии к исторической

¹ См., например: Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил в Европе во второй мировой войне: документы и материалы. М., 1985; Величие подвига советского народа: Зарубежные отклики и высказывания 1941–1945 годов о Великой Отечественной войне. М., 1985; Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: Документы и материалы. М., 1987; Катынская драма. Козельск, Старобельск, Осташков: судьба интернированных польских военнослужащих. М., 1991; Страницы истории советского общества: факты, проблемы, люди. М., 1991; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945: Статистический сборник. М, 1990; Из истории Великой Отечественной войны. (Документы и материалы) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 1–12; 1991. № 1–7 и др.

² Более того, в отношении историков, пытавшихся выйти за рамки устоявшихся догм и оценок, одобренных официальными идеологами ЦК КПСС, делались соответствующие оргвыводы. Так, был снят с должности заместитель начальника Главного политического управления СА и ВМФ, а затем и с должности начальника Института военной истории Министерства обороны СССР генерал-полковник Д. А. Волкогонов. Одно из обвинений, инкриминированных ему – «очернительство советской истории» (Волкогонов Д. А. Этюды о времени. М., 1998).

³ Фальсификаторы истории (историческая справка). ОГИЗ, Главполитиздат, 1948.

справке, указанной выше. Текстологический анализ этого фрагмента позволяет установить следующее.

Государственный департамент США в сотрудничестве с английским и французским Министерством иностранных дел опубликовал сборник донесений и различных записей из дневников гитлеровских дипломатических чиновников, снабдив его таинственным заглавием «Нацистско-советские отношения 1939–1941 гг.».

Оказывается, что Правительства США, Великобритании и Франции еще летом 1946 г. договорились между собой об опубликовании захваченных в Германии американскими и английскими военными властями архивных материалов германского министерства иностранных дел за 1918–1945 годы. Однако в опубликованный сборник оказались включенными лишь материалы, относящиеся к 1939–1941 годам, материалы же, относящиеся к предшествующим годам и, в частности, к мюнхенскому периоду¹, в сборник Государственным департаментом не включены и, таким образом, скрыты от мирового общественного мнения. «Это, конечно, не случайно и преследует цели, не имеющие ничего общего с объективным и добросовестным отношением к исторической правде». Чтобы как-нибудь оправдать в глазах общественного мнения одностороннее опубликование этого сборника непроверенных и произвольно надерганных записей гитлеровских чиновников, англо-американская печать пустила в ход выдуманное объяснение, будто «русские отвергли предложение запада совместно опубликовать полный

¹ Имеется в виду Мюнхенский договор 1938 г. о присоединении пограничных земель Чехословакии, населенных немцами, к нацистской Германии. Явился результатом агрессивной политики А. Гитлера, провозгласившего ревизию Версальского мирного договора 1919 г. с целью восстановления германского рейха, с одной стороны, и поддержанной США англо-французской политики «умиротворения», с другой. Английское и французское руководство было заинтересовано в сохранении статус-кво, сложившегося в Европе в результате Первой мировой войны 1914–1918 г., и рассматривало политику Советского Союза и мирового коммунистического движения как главную опасность для своих стран. Лидеры Великобритании и Франции стремились политическими и территориальными уступками за счет стран Центральной и Юго-Восточной Европы удовлетворить экспансионистские притязания Германии и Италии, достичь «широкого» соглашения с ними и обеспечить тем самым собственную безопасность, подтолкнув германо-итальянскую агрессию в восточном направлении. Не получилось (более подробно см., например: Документы по истории мюнхенского договора, 1937–1939. М., 1979; *Мамбеев А. А.* Провал мюнхенской политики (1938–1939 гг.). М., 1955; *Ротшильд Э.* Мюнхенский договор. М., 1959; Мюнхен — преддверие войны. Под ред. В. К. Волкова. М., 1988; *Наумов А. О.* Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. М., 2007; *Уткин А. И.* На пути к войне. Мюнхен 1938 год. // Свободная мысль. 2008. № 8. С. 121–134; *Соцков Л.* Цель мюнхенского договора — повернуть Гитлера на восток // Известия. 2008. 30 сент. и др.).

отчет о нацистской дипломатии». Это заявление англо-американских кругов **не соответствует действительности»**¹.

И в исторической справке данный тезис доказан. В частности, трудно сегодня, в свете современного уровня накопления исторических знаний, не согласиться с тем, что, что гитлеровская агрессия стала возможной, *во-первых*, в силу того, что США помогли немцам создать в короткий срок военно-экономическую базу германской агрессии и вооружили таким образом эту агрессию, и, *во-вторых*, в силу того, что отказ англо-французских правящих кругов от коллективной безопасности расстроил ряды миролюбивых стран, разложил единый фронт этих стран против агрессии, очистил дорогу для немецкой агрессии и помог Гитлеру развязать Вторую мировую войну.

Что было бы, вопрошают авторы-составители исторической справки, если бы Соединенные Штаты не финансировали тяжелую промышленность гитлеровской Германии, а Англия и Франция не отказались бы от коллективной безопасности, а, наоборот, организовали бы вместе с Советским Союзом коллективный отпор немецкой агрессии?

И ниже дается ответ на этот вопрос. Гитлеровская агрессия оказалась бы без достаточного вооружения. Гитлеровская захватническая политика очутилась бы в тисках режима коллективной безопасности. Шансы успешного для гитлеровцев развязывания Второй мировой войны уменьшились бы до минимума. И если гитлеровцы, несмотря на эти неблагоприятные для них условия, все же решились бы развязать Вторую мировую войну, они были бы разбиты в первый же год войны.

Этого, однако, не случилось, к сожалению, вследствие пагубной политики, проводившейся Соединенными Штатами Америки, Англией и Францией в течение всего предвоенного периода.

Вот кто виноваты в том, что гитлеровцы смогли не без успеха развязать Вторую мировую войну, продолжавшуюся почти шесть лет и поглотившую миллионы жертв.

С подобным утверждением можно, конечно, спорить (что и делают сегодня доморожденные «светочи свободы», цинично опошляя **ВЕЛИКУЮ НАШУ ПОБЕДУ**), но, исходя из современного уровня накопления исторических знаний, да и просто с позиции здравого смысла, трудно, в конечном итоге, не согласиться.

Что характерно: эта историческая справка увидела свет через два года после печально знаменитой речи У. Черчилля в Фултоне (4 марта 1946), которая в СССР считалась (и совершенно справедливо)

¹ Фальсификаторы истории (историческая справка). С. 2-3.

сигналом к развязыванию холодной войны. И публикация «Фальсификаторы истории» — не что иное, как эффективный (для того времени) удар на фронте психологической борьбы, которая становилась действенным инструментом в арсенале холодной войны у конфронтировавших сторон.

Однако сегодня можно полагать, что содержание анализируемого выше историографического источника ориентировало советских исследователей на рассмотрение событий и явлений, предшествующих войне, и самой войны *исключительно с позиции классового подхода и принципа партийности*. А они, как известно, явились краеугольными камнями методологии догматизированного марксизма в большевистском его измерении (читай: ленинизм)¹. Так, в работе Б. С. Тельпуховского «Великая победа Советской Армии под Сталинградом», в которой автор поднимает, в том числе, и проблему борьбы с «буржуазными фальсификаторами»², налицо сложившиеся под влиянием культа И. В. Сталина догмы и схемы. Но по-другому тогда быть и не могло³.

Тем не менее, именно «Фальсификаторы истории» — эта небольшая публикация — положила начало советской специальной исторической литературе, разоблачающей тех, кто покушался на **ВЕЛИЧИЕ НАШЕЙ ПОБЕДЫ**. В ней перед советскими историками была выдвинута четкая задача — критическое исследование работ западных авторов о событиях 1939–1945 гг. И решение данной задачи преследовало достижение не только научно-исторической цели. Она еще имела и важное политическое и идеологическое значение.

Советская военно-историческая литература была нацелена на решительную борьбу против западных фальсификаций причин,

¹ *Ипполитов Г. М.* Принцип партийности исторической науки: неактуальное наследие советских времен или сегодняшняя методологическая данность? (дискуссионные заметки) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17. № 3(2), 2015. С. 475–484; *Степановичев А. Т.* Принцип партийности в исследовании и преподавании истории [Электронный ресурс] // Чекист. RU. Информационно-аналитическое издание [сайт]. URL: <http://chekist.ru/article/2706> (дата обращения: 08.02.2020); *Кративенский С., Косицина Ф.* Марксистский классовый подход: проблемы обновления и точки развития [Электронный ресурс] Материалистическая диалектика [сайт] URL: http://libelli.ru/magazine/96_4/approach.htm (дата обращения: 08.02.2020); *Ипполитов Г. М.* Классовый подход к познанию истории безнадежно устарел? Или... (рассуждения — приглашение к дискуссии) // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. № 2(27). С. 318–323 и др.

² Речевая конструкция советской историографии. — Г. И., А. Р., Ю. Р.

³ См., например: *Тельпуховский Б. С.* Великая победа Советской Армии под Сталинградом. М., 1953.

хода и итогов войны. Между тем, в первое послевоенное десятилетие не вышло почти ни одной заметной работы, специально посвященной критическому анализу западной историографии, ни один труд немецких историков не был рассмотрен или прорецензирован.

Однако в период хрущевской оттепели деятельность советских историков в сфере борьбы с фальсификаторами истории Второй мировой и Великой Отечественной войн резко активизировалась. Это стало возможным, в том числе и потому, что расширилась источниковая база для разработки рассматриваемой проблемы. Например, издали «Переписку Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»¹, а также еще ряд документальных публикаций², научно-справочных изданий³. Но особенно следует констатировать значимость опубликования материалов Нюрнбергского процесса⁴.

В интересах исследования рассматриваемой проблемы ученые могли опираться и на выпущенный в свет 4-х томный военно-исторический очерк «Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945»⁵, на «Стратегический очерк Великой Отечественной войны»⁶, и, особенно, — на фундаментальный обобщающий многотомный труд по истории Великой Отечественной войны (в нем, кстати, впервые говорилось о репрессиях в РККА, дана критическая оценка деятельности И. В. Сталина в 1939–1941 гг.)⁷. Не прошли незамеченными для советских ученых-историков изданные краткий исторический обзор партийно-политической работы в Советских Вооруженных Силах в годы Великой

¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х томах: Том I. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. — ноябрь 1945 г.). Том II. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэнном (авг. 1941 г. — дек. 1945 г.). М., 1958.

² См., например: Сборник материалов по составу, группировке сухопутных войск фашистской Германии и войск бывших ее сателлитов на советско-германском фронте. Т. 1–5. М., 1955–1957 и др.

³ Военные вопросы в решениях КПСС: аннотир. библиографический указ. М., 1962.

⁴ См.: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: сб. док. в 7 т. М., 1957–1961.

⁵ Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 (военно-исторический очерк): в 4 т. М., 1958.

⁶ Стратегический очерк Великой Отечественной войны. М., 1961.

⁷ История Великой Отечественной войны Советского Союза: в 6 т. М., 1960–1965.

Отечественной войны (1941–1945)¹ и обобщающая монография, посвященная идеологической работе КПСС на фронте².

Большим подспорьем для советских исследователей стало то, что перевали на русский язык труды ряда зарубежных историков Второй мировой войны³. Например, появилось переводное издание книги о поражении нацистской Германии во Второй мировой войне. Она написана группой генералов гитлеровского вермахта по заданию министерства обороны США. Авторы книги — участники описываемых ими событий — рассказывают о подготовке вооруженных сил нацистской Германии к войне, о провале стратегических и оперативных планов немецкого командования, о поражениях немецко-фашистских войск в крупных операциях на различных ТВД. Также раскрыта та атмосфера интриг и личной вражды, которая царила в высших штабах гитлеровской армии в наиболее критические периоды войны. Особого внимания заслуживают главы, посвященные разгрому войск вермахта под Москвой и Сталинградом⁴.

В книге К. Типпельскирха «История второй мировой войны», написанной на основании личного опыта и материалов, предоставленных ему рядом бывших генералов и офицеров армии третьего рейха, а также с использованием многочисленных зарубежных источников, дано подробное и последовательное хронологическое описание важнейших этапов вооруженной борьбы. Здесь содержатся обширные сведения и разнообразный документальный материал, ряд объективных оценок противника и рассуждения по поводу важнейших военно-политических событий 1939–1945 годов. И что характерно: вопреки измышлениям современных доморощенных «светочей свободы» о том, что СССР якобы готовился к нападению на Германию, К. Типпельскирх, *бывший начальник разведывательного управления генерального штаба германских сухопутных сил*, утверждает буквально следующее;

«То, что Советский Союз в скором будущем будет сам стремиться к вооруженному конфликту с Германией, представлялось в высшей степени невероятным по политическим и военным соображениям; однако вполне обоснованным могло быть опасение, что впоследствии, при более благоприятных условиях

¹ Партийно-политическая работа в Советских Вооруженных Силах в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): краткий исторический обзор. М., 1963.

² Идеологическая работа КПСС на фронте. М., 1960.

³ См., например: Мировая война 1939–1945 гг. Сб. статей. Пер. с нем. А. А. Высокоского и А. И. Дьяконова. М., 1957; Итоги второй мировой войны. Выводы победённых М., 1957; Фриснер Г. Проигранные сражения. / Пер. с нем. М., 1966.

⁴ Роковые решения / Под редакцией П. А. Жилина. М., 1958.

Советский Союз может стать весьма неудобным и даже опасным соседом. Пока же у Советского Союза не было причин отказываться от политики, которая до сих пор позволяла ему почти без применения силы добиваться замечательных успехов»¹.

Благодаря таким факторам, историография проблемы борьбы с теми, кто покушается на величие подвига **ВЕЛИКОГО СОВЕТСКОГО НАРОДА, СПАСШЕГО МИР ОТ «КОРИЧНЕВОЙ ЧУМЫ НАЦИЗМА И ФАШИЗМА**, развивалась интенсивно. Например, известный советский военачальник Маршал Советского Союза А. И. Еременко в своей брошюре разоблачает на фактическом материале фальсификаторов истории нашей Великой Победы — авторов книг о второй мировой войне, бывших гитлеровских генералов Гудериана, Манштейна, Дёрра, Типпельскирха, Меллентина и других. Особое внимание уделяется восстановлению исторической правды о Сталинградской битве, хорошо известной автору².

Советские ученые выполнили в период оттепели ряд исследований, в которых разоблачили наиболее грубые фальсификации, созданных, в частности, исследователями из ФРГ. Были раскрыты основные направления сокрытия правды о Великой Отечественной войне в трудах консервативных историков и мемуаристов, а именно: *принижение вклада Советского Союза в победу над Германией; показ антинаучного характера суждений о единоличной ответственности А. Гитлера за войну и поражения; о поворотных пунктах в развитии мирового конфликта*. Также были вскрыты искажения важнейших событий войны, и подвергнуты критике неточности и преднамеренные извращения фактов и событий, имевших место в некоторых работах немецких авторов³.

¹ Типпельскирх К. История Второй мировой войны. М., 1956. Переиздание — СПб.: М., 1999. [Электронный ресурс] Военная литература [сайт]. URL: militera.lib.ru/h/tippelskirch/index.html (дата обращения: 5.03.2020).

² Еременко А. И. Против фальсификации истории второй мировой войны. М., 1958.

³ Синтезировано по: Мельников Д. Е. Причины поражения фашистской Германии и западногерманские фальсификаторы истории // Вопросы истории. 1958. № 3. С. 152–164; Безыменский Л. А. Изучение истории второй мировой войны в Западной Германии, // ВИЖ. 1959. № 5. С. 125–127; Мерцалов А. Н. Западногерманские истории и мемуаристы об ответственности Гитлера за поражение Германии. // Историографический сб. Воронеж, 1960. С. 5–26; *Его же*. Западногерманская историография о фашистском блоке во второй мировой войне. // ВИЖ. 1961. № 7. С. 106–113; Германский империализм и вторая мировая война: Материалы науч. конференции Комиссии историков СССР и ГДР в Берлине (14–19 дек. 1959 г.). М., 1961.

Вышла в свет монография А. Н. Мерцалова, в которой проанализированы основные направления немецкой исторической литературы о войне 1939–1945 годов, раскрыта источниковая база западногерманской историографии, выделены этапы ее развития и их особенности. Ученый рассматривает (наряду с другими вопросами) взгляды немецких историков на проблему решающих сражений, причины военного поражения Германии. А. Н. Мерцалов не проходит и мимо новых тенденций в развитии историографии ФРГ: *отказ от наиболее грубого и примитивного искажения истории; значительное расширение проблематики исследований; опубликование большого числа документов о войне и др.* Автор указывает на недостатки отечественной литературы, посвященной анализу историографии ФРГ: *отсутствие необходимой оперативности; синтезированных различных историографических тенденций в немецкой литературе о войне*¹.

Однако анализ немецкой историографии войны в этот период не охватывал ее многих сторон и направлений. Авторы некоторых работ не в полной мере владели методикой научного анализа трудов своих оппонентов, нередко преобладали простейшие приемы критики их суждений. Работы отечественных историков основывались нередко на критике только той немецкой литературы, которую перевели на русский язык. Слаба была и источниковая база.

Таким образом, в период хрущевской оттепели увидели свет ряд уникальных трудов, авторы которых вывели на чистую воду тех, кто покушался на ВЕЛИКУЮ НАШУ ПОБЕДУ. На многое здесь посмотрели историки под новым углом зрения. Между тем, они так и не избавились от идеократических оков догматизированного марксизма в большевистском его измерении (читай: ленинизм). Но по-другому тогда и быть не могло.

Относительно историографии проблемы разоблачения тех, кто покушался на **ВЕЛИКУЮ НАШУ ПОБЕДУ**, периода второй половины 1960-х — первой половины 1980-х гг. приходится констатировать следующее: на нее оказали негативное влияние обстоятельства, указанные выше. Более того, тема разоблачения фальсификаций истории Второй мировой и Великой Отечественной войн в буржуазной историографии находилась под усиленным контролем идеологов правившей в Советском Союзе коммунистической партии. В частности, ученым задавались исследовательские

¹ Мерцалов А. Н. Западногерманские историки и мемуаристы о второй мировой войне. М., 1967.

ориентиры своеобразным способом — посредством публикаций соответствующих статей в центральных партийных изданиях, которым придавался де-факто директивный характер. Например, в 1970 г. (год празднования 25-летия нашей Великой Победы) на страницах журнала «Коммунист» опубликовали статью Г. К. Жукова «Величие победы СССР и бессилие фальсификаторов истории».

В ней прославленный Маршал Победы дал резкую отповедь американскому публицисту и историку Г. Солсбери за то, что тот «с легкостью необыкновенной сталкивает Жукова со Сталиным, с другими советскими маршалами, с подчиненными и т. д., лишь бы обосновать свою концепцию решающей роли “сильной личности” ... Упражняться в водевилях на историческом материале, связанном с героизмом, кровью, жертвами и подвигом народа, гнусно и пошло». И несколько дальше прибавил: «Ох, господи фальсификаторы, до чего же вам хочется любой ценой “исправить” историю в удобном вам духе и выдать белое за черное!». Кроме того, Г. К. Жуков сформулировал обобщения, в которых нашли отражение политико-идеологические установки ЦК КПСС по проблеме борьбы с фальсификаторами истории Великой Отечественной войны¹.

В это время вышли в свет ряд документальных сборников, которые содержали богатый материал, в том числе и для разоблачения фальсификаторов истории Второй мировой и Великой Отечественной войн² Большое внимание уделяется изданию мемуарной литературы. Особо необходимо отметить значение впервые изданных в 60-е годы минувшего столетия мемуаров известных военачальников Великой Отечественной войны: И. С. Конева, К. К. Рокоссовского, А. И. Еременко, С. М. Штеменко³, и, конечно же, Г. К. Жукова⁴. Издавались и мемуары фронтовиков⁵. Нельзя не отметить

¹ Жуков Г. К. Величие победы СССР и бессилие фальсификаторов истории. // Коммунист. 1970. № 1. С. 74–90.

² Тридцатилетие победы советского народа в Великой Отечественной войне: Документы и материалы. М., 1975; Неотвратимое возмездие: По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. 2-е изд., доп. М., 1979. КПСС о Вооруженных силах Советского Союза: Документы. 1917–1981. М., 1981 и др.

³ Конев И. С. Сорок пятый. М., 1966; Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1968; Еременко А. И. В начале войны. М., 1965.; Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1968.

⁴ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: В 2 т. М., 1969.

⁵ См., например: Солодарь Ц. С. Капитуляция. Из записок военного корреспондента. М., 1985.

и выпуск фундаментального обобщающего труда «История второй мировой войны, 1939–1945»¹, а также энциклопедии «Великая Отечественная война 1941–1945»².

В исследуемом периоде литература, имеющая отношение к проблеме борьбы против фальсификаций и фальсификаторов истории Великой Отечественной войны, возросла в количественном отношении: появились исследования, выполненные в формате монографий, книг, исторических очерков³, а также и защищенных диссертаций⁴.

Кроме того, отдельные фрагменты и сюжеты, имеющие отношение к выводу на чистую воду тех, кто опозил **ВЕЛИКУЮ НАШУ ПОБЕДУ**, нашли место в ряде монографий обобщающего характера⁵. Продолжались публиковаться статьи в научной периодике⁶, а также в специальных сборниках⁷. Ученые, продолжая изучение

¹ История второй мировой войны, 1939–1945: В 12 т. М., 1973–1982.

² Великая Отечественная война 1941–1945: энцикл. М., 1985.

³ Клюев С. В. Мифы и правда. Критика буржуазных измышлений о причинах экономической победы СССР в Великой Отечественной войне. Л., 1969; Большая ложь о войне. Критика новейшей буржуазной историографии Второй мировой войны. М., 1971; Кулиш В. М. История второго фронта. М., 1971; Дашчев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы и материалы: В 2-х томах. М., 1973; Секистов В. А. Против буржуазных фальсификаторов второй мировой войны. М., 1974; Мерцалов А. Н. Западногерманская буржуазная историография второй мировой войны. М., 1978; Якушевский А. С. Правде вопреки: Против фальсификации истории Великой Отечественной войны. Киев, 1981; Кульков Е. Н., Ржешевский О. А., Чельшев А. И. Правда и ложь о Второй мировой войне. М., 1983; Во главе защиты Советской Родины. Очерк деятельности КПСС в годы Великой Отечественной войны. Изд. 2-е, доп. М., 1984; Розанов Г. Л. Конец «третьего рейха». М., 1985; Ситолс В. Я. На пути к Великой Победе. Советская дипломатия в 1941–1945 гг. М., 1985 и др.

⁴ Ржешевский О. А. Буржуазная историография США о второй мировой войне: Дис... докт. ист. наук. М., 1977; Вольнец В. В. Разоблачение современных англо-американских фальсификаций роли КПСС в обеспечении победы советского народа в Великой Отечественной войне: Дис... канд. ист. наук. Киев, 1983; Гринкевич Л. Л. Критика основных фальсификаторских концепций новейшей англо-американской историографии советского партизанского движения в 1941–1944 гг.: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1984 и др.

⁵ Советский Союз в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1976; Подвиг партии и народа. М., 1980; Освободительная борьба против фашизма. 1939–1945 г. М., 1983; Давиденко А. З. Научная несостоятельность фальсификации истории второй мировой войны. М., 1986.

⁶ Микрюков В. Ю. О фальсификации истории Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1968. № 12. С. 74–81; Комаров Н. Великая Отечественная война в измышлениях фальсификаторов истории // КВС. 1978. № 2. С. 76–82.

⁷ Историография Великой Отечественной войны: Сб. статей. М., 1980.

западногерманской литературы¹, стали больше уделять внимание анализу работ англоязычных авторов².

В целом военно-историческая и историко-партийная литература, посвященная проблеме разоблачения фальсификаций истории Великой Отечественной войны во второй половине 1960-х — первой половине 1980-х гг., основывалась на тех же принципиальных концептуальных и методологических положениях, что и публикации предыдущих периодов.

Обозревая историографические источники, имеющие отношение к теме борьбы с фальсификациями истории Великой Отечественной войны, которые увидели свет в период перестройки, приходится констатировать следующее обстоятельство: ученые-историки развернули острую критику старой историографии и основных оценочных постулатов истории Великой Отечественной войны, сделав главный акцент на критике деятельности И. В. Сталина. Но здесь, из-за погони за сенсациями, скоропалительным внедрением так называемых новых перестроечных подходов, допускались нарушения принципов объективности и историзма. Например, в 1991 г. увидел свет двухтомник «Наше Отечество. Опыт политической истории».

По меткой характеристике М. А. Гареева, с которой, конечно, спорить, но, трудно, в конечном итоге, не согласиться, в данной работе «вся история страны сведена, по существу, к изображению в основном того, что происходило на вершине общества, к интригам и личностным отношениям политических деятелей. Из этой книги едва ли можно получить

¹ Мерцалов А. Н. Западногерманские реакционные историки о причинах поражения фашистской Германии // Вопросы истории. 1969. № 11. С. 78–92 и др.

² Борисов А. Ю. Новейшая англо-американская историография Великой Отечественной войны Советского Союза // История СССР. 1975. № 3. С. 154–172; Ржешевский О. А. Война и история. Буржуазная историография США о второй мировой войне. Изд. 2-е, доп. и перераб. М., 1984. Заметим, что активизации анализа работ англо-язычных авторов способствовало то, что увидели свет ряд зарубежных переводных изданий (см., например: Верт А. Россия в войне 1941–1945 годов. Пер. с англ. М., 1967; Гарт Л. Вторая мировая война: Очерк. Пер. с англ. М., 1976; Говард М. Большая стратегия. Август 1942 — сентябрь 1943. Пер. с англ. М., 1980 и др.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru